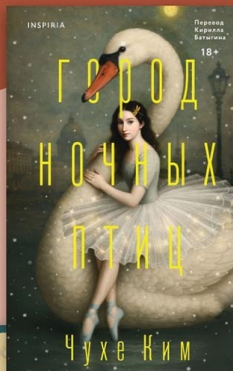
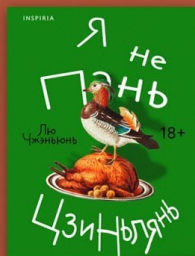

the ЖЕНЩИНА

комплект из 5 книг

**Лю Чжэньюнь
Чухе Ким
Мэгги Шипстед
Рошен О'Доннелл
Лайла Мартинес
ТНЕ Женщина.
Комплект из 5 книг
Серия «Loft. Дела семейные»**

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74379146
ISBN 978-5-04-253511-6*

Аннотация

Комплект из 5 книг – платите меньше, читайте больше!

С состав входят: «Большой круг», «Гнездование», «Древоточец», «Я не Пань Цзиньянь», «Город ночных птиц».

Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности.

«Большой круг».

Мэриен Грейвз была сорвиголовой всю свою жизнь. После встречи с пилотами-каскадерами она навсегда влюбляется в небо. В четырнадцать лет Мэриен бросает школу и встречается богатого бутлегера, который предоставляет ей самолет и оплачивает уроки

пилотирувания. В 1950 году она отправляется в свое самое захватывающее приключение – полет вокруг земного шара, и бесследно исчезает.

Полвека спустя Хэдли Бэкстер, скандально известная голливудская актриса, получает предложение сыграть Мэриен Грейвз. Возможно, эта роль поможет ей раскрыть тайну знаменитого исчезновения? И примириться с трагедией, которая изменила ее жизнь.

«Гнездование».

Уютный дом в пригороде Дублина, двое детей и надежный муж – так выглядит, казалось бы, идеальная жизнь Киары Фэй. Но закрытые двери семейного гнездышка скрывают холодные отношения. Райан контролирует каждый ее шаг, изолировал и полностью лишил общения с друзьями. Осталась лишь тень прежней любознательной и жизнерадостной Киары. Но узнав, что она снова беременна, Киара принимает судьбоносное решение, забирает детей и отправляется в неизвестность. Обуреваемая сомнениями, она с двумя детьми оказывается в положении бездомной и ютится в маленьком номере гостиницы.

«Древооточец».

Все дома хранят историю своих обитателей. Этот дом был построен сутенером и превратился в ловушку для его жены, а также для всех женщин этой семьи. Сейчас в нем живут бабушка и внучка, а также призраки и нечисть, которые так и норовят уволочь обитательниц в темное ничто. Днем деревенские жители обходят дом и его обитательниц стороной, но под покровом ночи они приходят с просьбами о заговорах и мести. Когда исчезает ребенок из привилегированной семьи, все скелеты этой деревни начинают вылезать наружу.

Описанный Марианой Энрикес как «дом женщин и теней, построенный из поэзии и мести», этот роман расскажет о классовой борьбе и способностях доведенных до отчаяния женщин.

«Я не Пань Цзиньлянь».

Комедия о китайской бюрократии, полная ярости и абсурда.

Ли Сюэлянь замужем за Цинь Юйхэ и беременна вторым ребенком. Радостная новость? Только не в Китае времен ограничения рождаемости. Одна семья – один ребенок! Единственный выход – развестись с мужем до рождения дочери и затем снова пожениться. Но все пошло не по плану – Цинь Юйхэ женится на другой и оскорбляет бывшую жену, называя именем распутницы Пань Цзиньлянь из романа XIV века «Речные заводи». Обезумев от гнева, Ли Сюэлянь решает потребовать от чиновников признать развод фиктивным. Удастся ли ей отомстить?

Роман «Я не Пань Цзиньлянь» современного китайского писателя Лю Чжэньюня экранизирован в 2016 году (в русском переводе «Я не мадам Бовари») и стал основой постановки «Я не убивала своего мужа» в Театре наций.

«Город ночных птиц».

Санкт-Петербург, 2019 год. Бывшая прима-балерина Наталья Леонова возвращается в город, где началась история ее взлета и падения. Прошло два года после несчастного случая, разделившего ее жизнь на «до» и «после», и теперь некогда знаменитая танцовщица Мариинского и Большого театров, покорявшая Париж и Нью-Йорк, ходит на жалкую версию самой себя.

Призраки прежней жизни дают о себе знать: замкнутая мать и два талантливых артиста, сыгравшие важные роли в драме героини, мягкий Александр и высокомерный Дмитрий. Последний делает Наташе заманчивое предложение: вернуться в балетный мир.

Но чем ей предстоит пожертвовать ради мечты? Наташу снова затягивает водоворот безжалостных амбиций и надежд.

*Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

Содержание

Мэгги Шипстед	7
«Джозефина Этерна»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Мэгги Шипстед,
Рошен О'Доннелл,
Лайла Мартинес, Лю
Чжэньюнь, Чухе Ким
THE Женщина.
Комплект из 5 книг**

**Мэгги Шипстед
Большой круг**

Maggie Shipstead
GREAT CIRCLE

Copyright (c) 2021 by Maggie Shipstead

© Шукшина Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Брату

*Круги моей жизни все шире и шире —
надвешные — вещи суть.
Сомкну ли последний?
Но, видя в мире суть, я хочу рискнуть.*

*Покуда вокруг Господа, башни веков,
не вскинется дней моих тьма...
Не важно кто — сокол я, вихрь с облаков,
высокий ли стих псалма.*

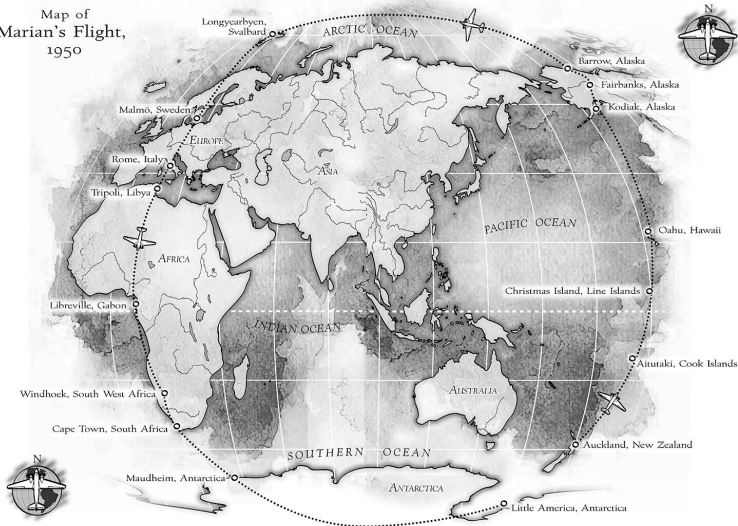
Райнер Мария Рильке, «Часослов» (пер. А. Прокопьева)

Если ножом разрезать шар на две равные половины, окружность среза будет представлять собой *большой круг*, то есть самый большой круг, который можно начертить на шаре.

Экватор — большой круг. Как и любая долгота. На поверхности шара, например Земли, кратчайшим расстоянием между двумя точками будет дуга, являющаяся частью большого круга.

Через противоположные точки, например Северный и Южный полюса, можно провести бесконечное число больших кругов.

Map of
Marian's Flight,
1950

Литл Америка-III, ледниковый шельф Росса, Антарктида 4 марта 1950 г.

Я родилась странницей. Я скроена для земли, как морские птицы для волн. Некоторые летают, пока не умрут. Я поклялась себе: мой последний спуск будет не беспомощным падением, а нырком баклана – сознательным погружением, нацеленным на что-то в глубине моря.

Собираюсь в путь. Попытаюсь подтянуть круг снизу, свести конец с началом. Хотелось бы, чтобы линия стала плавным меридианом, идеальным, упругим обручем, но наш

маршрут искажила необходимость: случайно раскиданные острова, аэродромы для заправки. Я ни о чем не жалею, но буду жалеть, стоит лишь себе позволить. Могу думать только о самолете, ветре, берегу – таком далеком, там, где опять начинается земля. Погода налаживается. Мы, как могли, заделали течь. Я скоро улетаю. Ненавижу день, не имеющий конца. Солнце кружит вокруг меня, как гриф. Хочу звездной передышки.

Круги, поскольку они бесконечны, поразительная штука. Все бесконечное поразительно. Но в то же время бесконечность – пытка. Я знала, что горизонт поймать нельзя, и все-таки гналась за ним. Глупо, но у меня не было выбора.

Все вышло не так, как я думала, теперь круг почти замкнулся, начало и конец разделены последним, страшным массивом воды.

Я думала, когда-нибудь смогу сказать, что видела мир, но мира так много, а жизни очень мало. Я думала, когда-нибудь смогу сказать, что что-то закончила, но теперь вообще сомневаюсь, что можно что-то закончить. Я думала, мне не будет страшно. Я рассчитывала стать больше, но поняла, что я меньше, чем думала.

Никто никогда этого не прочтет. Моя жизнь – мое единственное достояние.

И все же, и все же, и все же¹.

¹ Последняя запись из «Море, небо, а между ними птицы. Утраченный журнал Мэриен Грейвз». Нью-Йорк, Д. Уэнслес и сыновья, 1959.

Лос-Анджелес

Декабрь 2014 г.

Мне стало известно о Мэриен Грейвз только потому, что одна из подружек дяди в детстве часто оставляла меня в библиотеке и как-то раз я наткнулась на книгу под названием «Отважные женщины неба» или что-то в этом роде. Мои родители, однажды поднявшись в воздух на самолете, не вернулись, и оказалось, та же судьба постигла немало отважных женщин. Я заинтересовалась. Думаю, я искала человека, который сказал бы мне, что авиакатастрофа не худший способ уйти из жизни, хотя, если бы кто-нибудь действительно так поступил, я бы решила, что в той голове полчища тараканов. В главе о Мэриен говорилось, что ее воспитывал дядя, отчего у меня мурашки побежали по коже, поскольку меня тоже воспитывал (типа воспитывал) дядя.

Славная библиотекаряша нарыла мне книгу Мэриен «Море, небо» и что-то там еще, и я пыхтела над ней, как астролог, изучающий звездную карту, в надежде, что жизнь Мэриен каким-то образом объяснит мою собственную, скажет, что делать и как быть. Почти вся ее писанина была мне не по зубам, хоть я и уходила со смутным желанием превратить свое одиночество в приключение. На первой странице дневника я большими печатными буквами вывела: «Я РОДИЛАСЬ СТРАННИЦЕЙ». Больше, правда, так ничего и не написала, ведь как двигаться дальше, если вам десять лет и

вы все время торчите дома у дяди в Ван-Найсе или таскаетесь на пробы для рекламных роликов? Вернув книгу, я напроць забыла про Мэриен. И почти про всех отважных женщин неба, честно. В восьмидесятые о Мэриен вдруг вышла одна мутная телепередача, ее немногочисленные неугомонные поклонники до сих пор стряпают свои версии в интернете, но она не заняла такого места, как Амелия Эрхарт. Многие считают, будто знают что-то об Амелии Эрхарт, хотя на самом деле ничего они не знают. Это вообще невозможно.

То, что меня часто бросали в библиотеке, оказалось неплохо, поскольку, пока остальные дети корпели в школе, я сидела на бесконечных складных стульях в бесконечных коридорах на всех кастингах для маленьких белых девочек из Большого Лос-Анджелеса (или для девочек неопределенной расы, что равнозначно белым) в сопровождении нянь или подружек дяди Митча – категории, которые иногда шли внахлест. По-моему, его барышни время от времени проявляли обо мне заботу, чтобы он увидел в них материнские наклонности, а стало быть, пригодный матримониальный материал, но, по правде сказать, для поддержания огня в отношениях со стариной Митчем так себе стратегия.

Мне было два года, когда родительская «Цессна» упала в озеро Верхнее. Так все полагали. Никаких следов не нашли. За штурвалом сидел мой отец, брат Митча, и направлялись они в хижину одного друга где-то в медвежьем углу – романтическая поездка с целью, как выразился Митч, воссо-

единения. Невзирая на мой нежный возраст, он говорил мне, что мать никак не могла остановиться и трахалась со всеми подряд. Его слова. Кажется, Митч не вполне разобрался в концепции детства. «Но они никогда и не разбежались бы, — еще говорил он. Зато в броских названиях Митч разобрался точно. Он начинал с постановок третьесортных телефильмов типа «За любовь нужно платить» (про пристава таможенной службы) и «Убийство на День святого Валентина» (угадайте с ходу, про что).

Родители оставили меня на соседа в Чикаго, но, согласно их последней воле, меня всучили Митчу. Больше в общем-то никого не было. Никаких дядюшек, тетушек, а бабушка с дедушкой представляли собой сочетание чего-то мертвого, чужого, далекого и ненадежного. Митча нельзя назвать плохим человеком, но натурой он обладал голливудской, предприимчивой, и не успела я прожить у него и нескольких месяцев, как он попросил меня об ответной услуге — принять участие в кастинге для рекламы яблочного пюре. Потом нашел мне агента, Шивон, и я с такой регулярностью снималась в рекламе, ток-шоу и телефильмах (в «Убийстве на День святого Валентина» играла дочь), что не помню, когда не играла и не пробовалась. Это казалось обычной жизнью: опять и опять ставить пластмассового пони в пластмассовое стойло, а кругом ездят камеры, и незнакомые взрослые говорят тебе, как надо улыбаться.

Когда мне исполнилось одиннадцать и Митч перешагнул

от телефильмов недели к музыкальным клипам, а потом и вовсе, сцепив зубы, втиснулся в мир независимого кино, случился мой легендарный прорыв – роль Кейти Макги в детском кабельном ситкоме о путешествиях во времени под названием «Крутая жизнь Кейти Макги». На съемочной площадке я вела безукоризненную, окрашенную в леденцовые цвета жизнь – сплошные остроты, четкие сюжетные линии и комнаты с трех стенах под раскаленным небом прожекторов. Щеголяя в столь вызывающе модных нарядах, что меня недолго было принять за подросткового духа времени, я нещадно переигрывала, после чего шла запись надрывного зрительского смеха. А когда не снималась, то благодаря нерадивости Митча делала по большому счету все, что хотела. Мэриен Грейвз писала в своей книге: «В детстве мы с братом гуляли сами по себе. Я считала – и долгие годы меня никто не переубеждал, – будто вольна делать что угодно и имею право ходить, куда только найду дорогу». Я, наверное, была задира и сорвиголова похлеще Мэриен, но мне думалось так же. Мир стал моей устрицей, а свобода – соусом миньонетт. Жизнь подбрасывает тебе лимоны, ты срезаешь с них кожуру и украшаешь свой мартини.

Когда мне было тринадцать, бренд «Кейти Макги» стал бешено продаваться, а Митч, сняв «Турникет», вывалялся в успехе, как обдолбанная свинья в дерьме, и на наши с ним совместные гроши перевез нас в Беверли-Хиллз. Од-

нажды, когда я уже не ошивалась в Долине², парень, игравший старшего брата Кейти Макги, познакомил меня со своими мерзкими богатыми друзьями-старшеклассниками, и те стали таскать меня с собой, водить на вечеринки и лазить в трусы. Митч, скорее всего, даже не заметил, как часто меня не было дома, поскольку его самого обычно тоже не было. Иногда мы, оба пьяные, сталкивались, возвращаясь домой в два-три ночи, и просто кивали друг другу, как участники какой-нибудь скандальной конференции в коридоре гостиницы.

Но выпадало и хорошее: тьюторы на съемках «Кейти Макги» оказались нормальные и твердили мне, что нужно поступать в колледж, а поскольку мне нравилось слово и сериал подошел к концу, я, обладая немалым дополнительным весом как телезвезда по разряду «Б», ввинтилась в Нью-Йоркский университет. Я уже сложила вещи и собралась в дорогу, как Митч жахнул передоза, и если бы я не была готова ехать, то, возможно, так и осталась бы в Лос-Анджелесе и тоже довечеринкалась бы до морга.

И еще кое-что, может, хорошее, а может, и плохое: после первого семестра мне дали роль в первом фильме «Архангел». Иногда я задумываюсь, что вышло бы, если бы я вместо кино окончила колледж, перестала сниматься и меня забыли бы, однако вряд ли я смогла бы отказаться от тех огромных

² Долина Сан-Фернандо в Лос-Анджелесе, где располагаются многие известные киностудии. – *Прим. пер.*

денег, которые принесла мне Катерина. Значит, все остальное не суть важно.

В крупинке моего высшего образования нашлось время для введения в философию, и я узнала о паноптиконе, проекте идеальной тюрьмы Иеремии Бентама, где в центре гигантского кольца камер находится крошечное помещение надзирателя. Нужен всего один надзиратель, поскольку он может надзирать в любой момент, а мысль о том, что за вами надзирают, действует намного сильнее, чем реальный надзор. Потом Фуко превратил это дело в образ: для крепкой дисциплины и власти над человеком или населением нужно лишь заставить их думать, что за ними, *возможно*, надзирают. Вероятно, профессор хотел подвести нас к заключению, что паноптикон ужас какой плохой, но позже, когда после «Архангела» я стала слишком знаменитой, мне хотелось сесть в дурацкую машину времени Кейти Макги, перенестись в ту аудиторию и попросить его поразмыслить об обратном: если вместо надзирателя в центре конструкции оказываешься ты, а за тобой, что бы ты ни делала, надзирают – или могут надзирать – тысячи, миллионы.

Однако вряд ли у меня хватило бы духу попросить профессора хоть о чем-нибудь. В Нью-Йоркском университете все пилились на меня, поскольку я была Кейти Макги, а мне казалось, на меня пялятся, зная, что я недостойна там находиться. Возможно, и недостойна, но достоинство не измеришь в лаборатории. Невозможно знать, достоин человек че-

го-либо или нет. Может, и нет. Поэтому, когда я из-за «Архангела» бросила учебу и вернулась к миллиону обязанностей, к жизни, в которой у меня не было выбора, к распорядку дня, который определяла не я, мне стало легче. В университете я в полном смятении листала толстый, как словарь, список курсов, бродила по кафе и смотрела на разные блюда, на стойки с холодными закусками, горы кренделей, контейнеры со злаками, на машину для мороженого с таким чувством, будто меня просят решить какую-то архиважную загадку, загадку жизни и смерти.

Когда я лажанулась по полной и сэр Хьюго Вулси (да, именно сэр, оказавшийся моим соседом), рассказав мне про байопик, который он вознамерился продюсировать, достал из холщовой сумки книжку Мэриен – книжку, о которой я не вспоминала пятнадцать лет, – я вдруг опять перенеслась в библиотеку, где рассматривала небольшой томик в твердой обложке; там могли содержаться все ответы. Ответыгодились. Что-то, чего мне хотелось, хотя я никогда не могла догадаться, чего именно мне хотелось. Я даже не знала толком, что значит хотеть. Мои желания, как правило, представляли собой мешанину из невозможных, противоречивых импульсов. Я хотела исчезнуть, как Мэриен; хотела стать самой знаменитой на свете; хотела сказать важные слова о мужестве и свободе; хотела быть мужественной и свободной, однако ничего про это не знала, знала только, как делать вид, будто я что-то знаю, а это, по-моему, и есть актерство.

Сегодня мой последний съемочный день в «Пилигриме». Я сижу в подвешенном на шкивах муляже самолета Мэриен, скоро меня раскачают над огромным резервуаром с водой и сбросят. На мне оленья парка, которая весит тысячу фунтов, а, намокнув, будет весить миллион; я стараюсь не показывать, как мне страшно. Некоторое время назад Барт Олофссон, режиссер, отвел меня в сторонку и спросил, действительно ли я хочу выполнить трюк сама, с учетом того, ну ты понимаешь, что случилось с твоими родителями.

– Мне кажется, я хочу это испытать, – ответила я. – Мне кажется, я могу использовать трюк для исцеления.

Он положил мне руку на плечо, надел свое самое пафосное лицо гуру и сказал:

– Ты сильная женщина.

Хотя исцеление в общем-то невозможно. Поэтому-то мы все время его ищем.

На актере, играющем Эдди Блума, моего штурмана, тоже оленья парка, а на лбу водонепроницаемая ампула с якобы кровью, поскольку от удара он должен вырубиться. В жизни Эдди обычно сидел на штурманском месте позади кресла Мэриен, но сценаристы, два агрессивно-веселых брата с прическами и лицами, как у мальчиков гитлерюгенда, решили, будет лучше, если во время смертельного погружения он будет на первом плане. Да ради бога, как скажете.

Мы в любом случае рассказываем не ту историю, что случилась на самом деле. Это-то я знаю. Однако не могу утвер-

ждать, будто знаю правду о Мэриен Грейвз. Ее знала только она сама.

Мое погружение будут снимать восемь камер: шесть стационарных и две у водолазов. Снять нужно с одного дубля. Максимум с двух. Съёмки дорогие, наш бюджет, и так-то небольшой, теперь вовсе сдулся, точнее, свалился в минус, но коли уж вы зашли так далеко, то единственная возможность выйти – пройти. В лучшем случае потребуется день. В худшем я утону, обо мне, как о родителях, тиснут некролог, с той разницей, что у меня ненастоящий самолет, ненастоящий океан и я даже не пытаюсь куда-то долететь.

– Ты уверена, что хочешь сама?

Постановщик трюков проверяет мое обмундирование, деловито копается у меня в паху, прощупывая в колющем оленьем меху ремни и карабины. Как ему и положено, у него дубленое лицо, дубленая одежда и, после парочки не самых удачных починок, манера ходить, как у героя кукольного мультика.

– Абсолютно.

Когда он отходит, нас поднимает и раскачивает кран. На том конце бассейна экран, создающий некий горизонт, отделяющий воду от неба, и я теперь она, Мэриен Грейвз, которая летит над Южным океаном, мой топливомер на нуле, и я знаю, что никуда не могу вырваться оттуда, где нахожусь, а нахожусь я в нигде. Я думаю, холодная ли будет вода, сколько времени пройдет, прежде чем я умру. Продумываю воз-

возможности. Вспоминаю клятву самой себе. Нырок баклана.
– Мотор! – кричит голос у меня в наушниках.

Я опускаю штурвал ненастоящего самолета, как будто хочу влететь в центр Земли. Шкив наклоняет нос самолета, и мы погружаемся в воду.

«Джозефина Этерна»

Глазго, Шотландия

Апрель 1909 г.

Недостроенный корабль. Корпус без труб, сверху удерживаемый на стапеле крюком стального крана, а снизу – деревянной тележкой. За кормой, под бессильными цветками гребных винтов, в неожиданном солнечном свете протекала Клайд.

От киля до ватерлинии корабль был ржаво-красным, а сверху, специально для спуска на воду, его покрыли подвечно-белой краской. (Белый эффектнее для газетных фотографий.) Когда отсверкают фотовспышки, когда судно одиноко постоит у речного причала для оснастки, по бокам на толстых канатах подвешат доски, на них встанут люди и выкрасят борта и заклепки корпуса в блестяще-черный.

Поднимут две трубы, закрепят на нужном месте. Палубы обошьют тиком, панели коридоров и кают-компаний – красным деревом, орехом и дубом. Появятся диваны, канапе и шезлонги, кровати и ванны, морские пейзажи в позолоченных рамах, боги и богини в бронзе и алебастре. У китайского фарфора для первого класса будут позолоченные ободки и золотые якоря (эмблема пароходства L&O). Для второго класса – синие якоря и синие ободки (синий – цвет пароходства). Третий класс удовольствуется простой белой фаянсо-

вой посудой, а экипаж – оловянной. Подгонят товарные вагоны, полные хрусталя, серебра, фарфора, камки и бархата. Краны поднимут на борт три рояля, которые будут раскачиваться в сетях, как животные на негнущихся ногах. По трапу вкатят рожицу палм в кадках. Подвешат канделябры. На палубах вставят друг в друга стулья, похожие на челюсти аллигатора. Скоро через специальные люки в бункеры под ва-терлинией, подальше от изящества, погрузят первую порцию угля. Глубоко в недрах разведут первый огонь.

Но в день спуска на воду корабль еще лишь раковина, голая, необорудованная стальная колодка. В его тени теснилась толпа: шумные группки портовых рабочих, явившиеся полюбоваться зрелищем семейства Глазго, мальчишки, торгующие газетами и бутербродами. Великолепное синее небо знаменем развевалось над головами. В городе тумана и сажу такое небо могло служить лишь добрым предзнаменованием. Играл духовой оркестр.

Миссис Ллойд Файфер, Матильда, супруга нового американского владельца корабля, стояла на помосте, украшенном сине-белыми флагами, с бутылкой виски под мышкой.

– Разве не шампанское? – спросила она у мужа.

– Не в Глазго, – ответил тот.

Матильде предстояло разбить бутылку о корабль, окрестив его именем, о котором она с трудом могла думать. Ей не терпелось услышать разряжающий напряжение звон стекла, выполнить свою задачу, но приходилось ждать. Наступила

какая-то заминка. Ллойд суетился, время от времени обращаясь к корабельному инженеру, словно окаменевшему от волнения. На помосте мялись несколько несчастных англичан в котелках, шотландцы из судостроительной компании и еще пара человек – откуда они, Матильда определить не могла.

Корабль уже наполовину построили, когда L&O, основанное в Нью-Йорке ее тестем Эрнстом в 1857 году и унаследованное Ллойдом в 1906 году, приобрело погибающее английское пароходство, его заказавшее. («Заказавшее корабль», – всегда поправлял Ллойд. Но для Матильды корабль был «он».) Когда кончились деньги, обшивка шла полным ходом и возобновилась, стоило долларам Ллойда обратиться в фунты стерлингов, а потом в сталь. Люди в котелках, прямо из Лондона, мрачно обмениваясь замечаниями о прекрасной погоде, проектировали корабль, спорили над чертежами, выбрали разумное название (Ллойд его не принял). И все для того, чтобы в итоге вышел дешевый фарс: рогоносцы в тщательно вычищенных шляпах на помосте, украшенном развевающимися флагами, бурлящий у них под ногами жизнеутверждающий марш духового оркестра. Для облегчения хода корабль обмазали салом, и Матильда чувствовала тяжелый животный дух, пропитывающий одежду, обволакивающий кожу.

Ллойд хотел, чтобы новый лайнер придал пароходству сил. К моменту смерти Эрнста его флот устал, устарел,

лишь трампы (в основном) еще вели привычную торговлю на побережье, несколько грузо-пассажирских судов, пыхтя, пересекали Атлантику, да парочка изможденных парусников моталась в Тихом океане по торговым путям зерна и гуано. Этот лайнер не станет ни самым большим, ни самым быстрым, ни самым роскошным, что будут ходить из Европы, не составит угрозы для монстров парокходства «Уайт стар», строящихся в Белфасте, но, по утверждению Ллойда, будет солидной ставкой за столом толстосумов.

– Какие новости? – пролаял Ллойд, напугав ее.

Вопрос он адресовал Эддисону Грейвзу, капитану Грейвзу, стоявшему подле, – настоящему дылде, хотя вечная сутулость будто подразумевала заглаговременные извинения за высокий рост. Он был худ, почти тощ, но кости массивные, тяжелые, наподобие дубин.

– Проблема со стапелем, – ответил он Ллойдy. – Слишком длинный.

Ллойд посмотрел на корабль и нахмурился:

– Корабль будто в оковах. А задуман для воды. Ты так не думаешь, Грейвз? – Он вдруг резко оживился: – Ты не думаешь, что корабль просто великолепен?

Над ними нависала носовая часть, острая, как лезвие ножа.

– Хороший будет корабль, – мягко ответил Грейвз.

Эддисон Грейвз, назначенный первым капитаном корабля, приехал на церемонию спуска на воду с Ллойдом, Ма-

тильдой и четырьмя их сыновьями – старшим Генри, семи лет, младенцем Леандром, которому не исполнилось еще и года, Клиффордом и Робертом – между ними; всех их куда-то отвели две няньки. Матильда надеялась подружиться с Грейвзом в пути. Он не был угрюм, никогда не грубил, но его замкнутость, казалось, не пробить. Ничего не дали даже самые смелые ее попытки заглянуть за фасад.

– Чем вас привлекло море, капитан Грейвз? – спросила она как-то за ужином.

– Если долго идти в одном направлении, миссис Файфер, окажешься на море, – ответил Грейвз, будто упрекая ее в чем-то.

Для нее он теперь олицетворял классическую мужскую непроницаемость. Ллойд любил его всей душой, как не любил, похоже, никого, уж точно не Матильду.

– Я обязан ему жизнью, – не раз повторял он.

– Твоя жизнь не долг кому-то, – возразила она ему однажды. – Или же если она не вполне твоя, то ее так и не спасли.

Но Ллойд только рассмеялся и спросил, не думала ли она стать философом.

В молодости Грейвз и Ллойд вместе служили на парусном судне. Грейвз был матросом, а Ллойд, только-только окончивший Йель, полуделал вид, будто он тоже матрос. Эрнст, отец Ллойда, заявил, что если сын намерен унаследовать L&O, то должен натаскаться (буквально). Когда бедолага Ллойд у берегов Чили упал за борт, Грейвз, быстро и мет-

ко бросив канат, вытащил его. С тех пор Ллойд благоговел перед Грейвзом как перед своим спасителем. («Но канат-то ухватил ты, – говорила Матильда. – Висел-то на нем ты».) После Чили вслед за Ллойдом по карьерной лестнице в пароходстве поднимался и Грейвз.

Помост вышел из тени. От пота корсет у Матильды затвердел и царапал кожу. Ллойд, похоже, считал, что она родилась со знанием того, как крестить корабли.

– Просто разбей бутылку о нос, Тильди, – сказал он. – Очень просто.

А как понять, в какой момент? Они не забудут ей сказать? Она знала только, что, когда корабль сдвинется, ей должны подать сигнал (но кто именно, неясно) и нужно ударить бутылкой по носовой части, окрестив корабль «Джозефина Этерна», по имени любовницы мужа.

Несколько месяцев назад за завтраком она спросила Ллойда, как будет назван корабль, и он ответил, не опустив газеты.

Матильда поставила чашку обратно на блюдце, и та не дрожала. Она могла гордиться по крайней мере этим.

Когда Ллойд женился на ней, Матильда была молода, но не слишком, ей шел двадцать второй год – против его тридцати шести, и, будучи достаточно взрослой, поняла, что выбрали ее за состояние и репродуктивный потенциал, не по любви. Матильда лишь попросила Ллойда вести себя почтительно и тактично. Она высказалась до помолвки, а он, лю-

безно ее выслушав, согласился: в пользу личной свободы в браке говорит многое, особенно поскольку его так долго устраивала холостяцкая жизнь.

– Значит, мы понимаем друг друга, – сказала она, протянув ему руку.

Ллойд торжественно пожал ее, а потом поцеловал невесту, во весь рот, поцелуй был долгим, и она, не желая того, постепенно влюбилась. Не повезло.

Однако Матильда, сдержав свое слово, как могла, примирилась со скитаниями Ллойда и сумела обратить страсть на детей, поддержание своего гардероба и себя самое. Она знала, Ллойд привязан к ней и более нежен в постели, чем, по ее предположениям, некоторые другие мужья, хотя знала также, что она совершенно не в его вкусе. Он предпочитал темпераментных, неукротимых женщин, обычно старше Матильды, часто старше его самого и уж точно старше тетки корабля, капризной брюнетки Джо, которой было всего девятнадцать. Но Матильда знала достаточно, чтобы понимать, как часто все губят именно те, кто выбирает полную противоположность себе.

Имя корабля стало скверной наградой за ее терпение и великодушие, и, на минутку оказавшись одна, подальше от позвякивающего китайского фарфора и глаз обслуги, она пустила слезу. Затем взяла себя в руки и вернулась к исполнению обязанностей – как обычно.

На помосте Ллойд нервно сказал ей:

– Скоро.

Она попыталась приготовиться. Держать слишком короткое горлышко было неудобно, особенно в шелковых перчатках, и бутылка, выскользнув из руки, с глухим звуком упала в опасной близости от края помоста. Матильда подняла бутылку, и тут кто-то тронул ее за плечо. Эддисон Грейвз. Аккуратно взяв виски, он дал совет:

– Лучше снять перчатки.

Она сняла, и он, обернув одну ее руку вокруг горлышка, ладонь другой приложил к пробке.

– Вот так. – Капитан провел рукой дугу. – Не бойтесь, размахнитесь как следует, потому что, если бутылка не разобьется, это плохой знак.

– Спасибо, – пробормотала Матильда.

Стоя на краю помоста, она ждала сигнала, но ничего не происходило. Передняя часть корабля – огромный вздернутый нос горделивого, надменного существа – не двигалась. Мужчины взволнованно переговаривались. Корабельный инженер куда-то исчез. Она ждала. Бутылка стала тяжелее. Заболели пальцы. Внизу, в толпе, двое мужчин принялись пихать друг друга, поднялся гул. Один ударил другого по лицу.

– Тильди, ради бога!

Ллойд тянул ее за рукав. Нос ускользал. Как быстро. Она не ожидала, что подобная громадина может двигаться с такой скоростью.

Матильда наклонилась и швырнула бутылку вслед удаляющейся стальной стене. Неловко, через руку. Та ударилась о корпус, но не разбилась, а лишь отскочила и упала на ступень, выпустив от соприкосновения с бетоном фонтан осколков и янтарной жидкости. «Джозефина» удалялась. Река за кормой, сначала поднявшись зеленым пузырем, разбилась в пену.

Северная Атлантика

Январь 1914 г.

Четыре года и девять месяцев спустя

Ночь, «Джозефина Этерна», курс на восток. Бриллиантовая брошь на черном атласе. Одиноким кристалл в стене темной пещеры. Величественная комета в пустом небе.

Под огнями и ульем кают, под людьми, надрывающимися в красном жару и черной пыли, под обросшим ракушками килем, в темноте проплывала стая трески, сбитое множество изгибающихся тел с выпученными глазами, хотя кругом царил сплошной мрак. Под рыбой – холод, давление, пустые черные мили, странные светящиеся создания, выискивающие крупинки пищи. Затем песчаное дно, голое, за исключением еле заметных следов, оставленных глубоководными креветками, слепыми червями и существами, которые никогда не узнают, что существует такой феномен, как свет.

Вечер, когда Эддисон Грейвз, явившись на ужин, обнаружил, что Аннабел сидит рядом с ним, был вторым по вы-

ходе из Нью-Йорка. Он неохотно покинул мужскую тишину мостика и спустился в вибрирующий, искрящийся гвалт кают-компаний. В жарком, влажном воздухе пахло едой и духами. Холод океана, прилипший к шерстяной форме, испарился; тут же выступили капли пота. У стола, зажав фуражку под мышкой, он ссутулился в поклоне. Лица пассажиров лучились жадным желанием завладеть его вниманием.

– Добрый вечер, – сказал он, садясь и расправляя салфетку.

Он редко находил удовольствие в беседе, и, уж конечно, не в самовлюбленной болтовне, которой от него ждали пассажиры, достаточно состоятельные или важные, чтобы получить место за капитанским столиком. Сперва он заметил лишь бледно-зеленое платье Аннабел. С другой стороны от него сидела пожилая дама в коричневом. Официанты в лифреях принесли с кухни первое из длинной вереницы вычурных блюд.

Ллойд Файфер сделал Эддисона капитаном, едва вступив в права наследства L&O, когда еще не осела на могиле отца потревоженная земля. За ужином в «Дельмонико», дождавшись стейка, Ллойд вручил ему корабль, и Эддисон лишь кивнул, стараясь не выдать восторга. Капитан Грейвз! Наконец-то бывший оборвыш с фермы в Иллинойсе исчезнет навсегда, будет растоптан каблуками начищенных ботинок, выброшен за борт.

Но Ллойд поставил условие:

– Тебе придется быть обходительным, Грейвз. Придется преобразиться. Платят, в частности, и за это. Не смотри на меня так. Не так страшно. – Он помолчал, глядя на друга тревожным взглядом. – Справишься?

– Да, – ответил Эддисон, поскольку самолюбие пересилило страх в сердце. – Конечно.

Официанты лавировали между столами, разнося чашки с консоме. Справа от Эддисона миссис имярек в коричневом платье во множестве подробностей излагала историю жизни своих сыновей, выговаривая каждое слово так медленно и четко, будто зачитывала условия договора. Появился и исчез ягненок с мятным желе. Затем жареные цыплята. За салатом, во время небольшой паузы в рассказе соседки Эддисон наконец обернулся к женщине в бледно-зеленом платье. Та представилась Аннабел и показалась совсем молоденькой. Грейвз спросил, впервые ли она едет в Британию.

– Нет, – покачала головой соседка, – была уже несколько раз.

– Значит, вам понравилось?

Она помолчала, а потом безразлично ответила:

– Не особенно, но мы с отцом решили, что мне на какое-то время лучше уехать из Нью-Йорка.

Любопытное признание. Он пристальнее всмотрелся в нее. Девушка опустила голову и вроде бы полностью сосредоточилась на еде. Аннабел была старше, чем он сначала решил, к тридцати, и очень привлекательна, хотя неаккурат-

но нанесенные румяна и губная помада придавали ей расхристанный, воспаленный вид. Молочного оттенка волосы, как грива у лошади соловой масти, а ресницы и брови такие светлые, что их почти не видно. Она резко подняла голову и встретила взглядом с капитаном.

Голубую радужку глаз прочертили светлые, бледные, как солнечные блики, пересекающиеся круги, и в этих глазах он увидел явное, бесстыдное предложение. Грейвз помнил такой взгляд у женщин на берегах Южного океана, лениво лежащих в тени с обнаженной грудью, у проституток, наполовину прикрытых мраком портовых городов, у караюки-сан, указывавших ему дорогу в освещенные фонарями комнаты. Он бросил взгляд на ее сидевшего напротив отца, цветущего, поджарого мужчину, разглагольствовавшего на публику и, очевидно, забывшего про дочь.

– Вы брезгуете, – тихо сказала Аннабел. – Говорить с ними. Вижу, поскольку я тоже.

Извинившись, Эддисон отказался от десерта. Кое-что требует его внимания, прошу простить. Он вышел из кают-компании и, поднявшись два марша по трапу, резко распахнул дверь с надписью «Служебный вход», очутившись на пятачке открытой палубы за мостиком.

Облокотился на леера. Вокруг никого не было. Море слегка пенилось. По ясному безлунному небу выгнулся мраморный поток Млечного Пути.

Грейвз брезгливо, вежливо отказался, отвернулся от мо-

лодой женщины и спросил другую соседку, что еще интересного та может рассказать о детях. Но Аннабел по-прежнему пылала в поле бокового зрения. Зеленое платье, бледные ресницы. Взгляд. Такой неожиданный. Голубое пламя, неподвижное, чужое.

Некоторое облегчение пришло в рабочей атмосфере мостика и потом, когда ему в полночь принесли кружку кофе, но она все пылала. В ванной – из воды торчали костлявые колени – он позволил руке опуститься к чреслам, думая о ее раскрасневшихся щеках, выбившейся на затылке пряди бледных волос.

Когда Аннабел постучалась к нему в дверь, было далеко за полночь. Она так и не сняла зеленое платье-видение. Эддисон не знал, как пассажирка отыскала его каюту, но зашла она энергично, как будто ей приходилось видеть его уже множество раз. Девушка, оказавшаяся меньше ростом, чем он считал, доходила ему до середины груди и сильно дрожала. Первые несколько минут он не мог заставить себя дотронуться до нее – от холода кожа у нее посинела и заледенела.

Нью-Йорк

Сентябрь 1914 г.

Девять месяцев спустя

Дети плакали.

Аннабел неподвижно стояла у окна спальни в принадлежавшем Эддисону доме красного кирпича (черная отделка,

черная дверь с латунным молоточком, у реки) и смотрела через улицу на черную кошку, спящую на окне третьего этажа. Она часто видела эту кошку. Иногда та, водя хвостом, следила за голубями, клюющими что-то на нижней решетке. Когда кошка водила хвостом, Аннабел тянуло погрозить ей пальцем. Когда кошка замирала, замирала и она. Ночью, лежа без сна, она водила пальцем, пока тот не начинал болезненно ныть и неметь. Бранчивый жест. Тик-так.

Непереносимый, перекрывающий друг друга рев близнецов достиг апогея.

Лучше оставаться у окна, чем подвергаться риску, что опять вспенятся и запахнут пемзой видения, как бывало всякий раз, когда она подходила к люльке. Не надо идти на кухню, там ножи. Не надо приближаться к подушкам и тазам с водой. Не надо брать детей на руки, поскольку можно поднести их к окну и выбросить. «Дрянь», – слышался голос матери. «Дрянь, дрянь, дрянь».

Во время одной из тюремных отсидок в интернате, наутро после нешуточной грозы она сделала несколько неуверенных шагов с крыльца дортуара в слепящий, хрупкий, скользкий мир. Все клены на центральной лужайке заключили в тесные стеклянные коробки, как зубами, усеянные сосульками. Когда дети начинали плакать, Аннабел становилась похожа на те деревья: сначала пустила корни, а потом замерзла. Детский плач казался таким же далеким и безответным, как крики птиц, кружащих над заполненными льдом гнездами.

Когда они родились, Эддисон находился в море на «Джозефине». Схватки у Аннабел начались четвертого сентября, на три недели раньше срока, и прошло больше суток, целая вечность, прежде чем затемно шестого сентября, в первый день сражения на Марне, близнецы были наконец изринуты. Она не могла придумать никаких имен и махнула рукой в знак согласия, когда акушерка предложила Мэриен, а врач Джеймса, чтобы звать мальчика Джейми.

Теперь, когда она знала, что значит кричать, истекать кровью, ужас родов граничил для Аннабел с ужасом войны. Роды стали еще одним кошмаром, к которому обращался рассудок, когда она ослабляла бдительность. Опять являлся таз с красной водой, медицинские ножи, щипцы. Опять перед ней были лиловые дети, перемазанные кровью и чем-то вроде заварного крема, маленькие, как щенята, и опять возвращался дикий страх, испытанный ею, когда она впервые увидела их, мимолетная, безумная уверенность, что врач держит в руках ее органы, что ее выпотрошили. Акушерка говорила, роды – тяжелое испытание, но потом придет радость. Или эта женщина говорила неправду, или, что более вероятно, Аннабел не нормальная мать.

Когда детям было пять дней, вернулся Эддисон. Он озадаченно посмотрел в колыбель, а потом перевел взгляд на Аннабел. Та со спутанными волосами, провоняв потом, лежала на кровати. Она отказывалась мыться, поскольку врач утверждал, что теплая вода стимулирует выработку молока, а мо-

лодая мать твердо решила пересохнуть.

— Тогда в холодной воде, — предложила дневная кормилица. — Чтобы смягчить раздражение.

Аннабел ответила, что скорее умрет, чем примет холодную ванну.

— Ваше дело — дети, а не я, — сказала она. — Оставьте меня в покое.

В молчании она не уступала Эддисону. На следующий день тот опять уехал.

— Всего-навсего приступ меланхолии, — объяснила кормилица. — Я уже такое видела. Скоро вы придете в себя.

В себя.

Воспоминания о мраке ее первых лет. Синие от луны занавески детской, рядом отец, он обнимает ее. Больше никто ее не обнимал. Тепло другого тела пьянит. Она рефлекторно хватается за ворот его шелкового халата и чувствует, как он дрожит. На этом воспоминания заканчивались.

Семь лет. Она стоит в кладовке дома в Мюррей Хилле, задрав платье, а в ногах у нее сидит сын кухарки, мальчик лет одиннадцати. С порога рваный крик, и влетает что-то огромное, заполошное. Шумная няня с большой грудью и черным подолом заполняет небольшое пространство, как сорока, залезшая в воробьиное гнездо. Кухаркин сын вопит, пока его лупят. Няня крикнула всего один раз, вначале, а потом, таща Аннабел вверх по лестнице и запирая ее в кладовке, молчала и только возбужденно сопела.

В кладовке темно, но через замочную скважину через коридор видно ее детскую, желтое одеяло на кровати и куклу, брошенную на пол лицом вниз.

– Я плохо себя вела? – спрашивает она у няни через дверь.

– Сама знаешь, – отвечает та. – Хуже девочек не бывает. Тебе должно быть больше, чем стыдно.

«А что там, за стыдом?» – думает Аннабел, скрючившись между совками и банками с лаком для мебели. Если ее поступок так ужасен, почему отцу, богу этого дома, у кого куда больше власти, чем даже у матери или няни, можно трогать место, за которое сын повара предложил ей лимонный леденец, только чтобы посмотреть, место, которое няня называла капусткой? «Наш с тобой секрет, – говорит ей отец, имея в виду свои посещения, – мама ничего не должна знать, поскольку ей будет завидно, как сильно он любит Аннабел, как Аннабел любит папу и как им тепло вдвоем».

В тот день, когда она показала капустку кухаркиному сыну, мать избила ее по голым ногам и по попе, называя «дрянь, дрянью, дрянью».

Первый врач прописывает ежедневные холодные ванны и вегетарианскую диету.

Няня отказывается отвечать на любые вопросы о том, что значит «дрянь».

– Такие разговоры лишь подстегнут тебя.

Хотя однажды, когда Аннабел спрашивает, плохая ли капуста и у мальчиков, няня выпаливает:

– Глупый ребенок, у мальчиков нет капусты, у них морковка.

Создается впечатление, что «дрянь» как-то связана с овощами.

С чувством неловкости, вины, по причинам, которые она не может объяснить, Аннабел, когда за ней никто не смотрит, в детской или в ванной начинает трогать свою капустку. Ощущения мягко притупляют разум, погружают в приятную атмосферу и даже имеют свойство прогонять нежелательные воспоминания, например освежеванного ягненка, виденного ею на кухне с высунутым языком, или мать, называющую ее дрянью. Они приглушают даже мысли об отце. Отец уверяет, что старается делать нечто приятное. Значит, если от его посещений ей становится страшно, с ней что-то не так. Она должна попытаться исправиться.

Девять лет. Аннабел просыпается от порыва холодного воздуха, утреннего света; желтое одеяло сдернуто. Мать стоит над ней, держа одеяло, как матадор – капоте. Слишком поздно. Аннабел понимает, что во сне ее руки забрались под ночную рубашку.

– Дрянь, – выплевывает мать, склонившись над ней, будто готовый упасть топор.

На следующую ночь няня связывает ей руки, и она спит с переплетенными, как на молитве, пальцами.

– Твоя мать прекрасная женщина, – говорит отец, глядя веревки на запястьях, но не развязывая их. – Но она не по-

нимает, мы просто хотим, чтобы нам вместе было тепло.

– Я дрянь? – спрашивает Аннабел.

– Все мы немного дрянь, – отвечает отец.

Второй врач стар и похож на собаку, у него отеки под глазами, пятнистая кожа и длинные мочки ушей. Щипцами он извлекает из стеклянной банки одну-единственную пиявку. Раздвигает ей ноги.

Звон закладывает уши. Затемняющий все белый свет вихрится метелью, потом его разрывает резкая струя нюхательной соли. Врач выходит побеседовать с матерью, оставив дверь открытой.

– перевозбуждение, – объясняет он. – Очень серьезно... Но пока нет оснований отчаиваться.

Еще больше холодных ванн и раз в неделю тетраборат натрия. Ей не позволяют никаких приправ, ярких красок, быстрой музыки, ничего живого, возбуждающего. Перед сном полная ложка сиропа из бутылочки янтарного цвета, погружающая ее в бездонный сон. Несколько раз утром она чувствует у себя на подушке слабый запах табака, но ничего не помнит.

В день, когда она с ужасом просыпается на окровавленной простыне – ей двенадцать, – мать говорит, что она не умрет, но кровь будет каждый месяц, как напоминание: нельзя – да, опять, всегда, – быть дрянью.

Примерно в то же время еще два события: во-первых, она обращает внимание, что не слышит больше на подушке за-

пах табака, и, во-вторых, ее отправляют в интернат. Жизнерадостный щебет других девочек, их книжки, молитвы на сон грядущий, тоска по дому, письма мамам, радостные танцы по парам, возня с волосами, пощипывание щек, чтобы разбурмяниться, — ото всего этого она чувствует себя мрачным пауком, шныряющим среди веселых туфелек. В приступе ярости понимает, что ничего не знает о мире. Ее держали вдали от него.

Как избавиться от ужасающего невежества?

Быть внимательной. Подслушивать. Просеивать информацию и усиленно искать зацепки. Наугад брать книги из библиотеки, другие воровать у девочек, особенно запрещенные, которые те прячут. Прочесть «Грозовой перевал», «Остров сокровищ», «Двадцать тысяч лье под водой» и «Лунный камень». Прочесть «Дракулу» и пережить ужас ночных кошмаров про Ренфилда, безумного зоофага в сумасшедшем доме, скармливающего мух паукам, пауков — птицам, поедающего птиц и мечтающего употребить в пищу как можно больше жизней. Стащить «Пробуждение» и мечтать о том, как зайдешь в море, хотя ты никогда не заходила ни в какую воду, кроме ванны. (Даже в интернате ванны у нее холодные.) Из книг постепенно набрать путаных сведений: существуют и другие представления о стыде и «дряни», чем у матери. Догадаться: оказывается, иногда женщины хотят, чтобы их трогали мужчины. (Над некоторыми книгами девочки вздыхали и откидывались на подушки. «Как роман-

тично», – говорили они, но не ей, Аннабел считалась странной.) Уверившись, что все уснули, она опять начинает трогать штучку; та уже не капуста, а заветный орган, уже не по-детски бездвижная, а живая, животная. Ощущения становятся резче, как будто остренький рыболовный крючок, цепанув за нервы, куда-то ее тащит. Ей открылись мерцание, звон, пульсация, вспышка.

Раз в неделю в интернат приходит молодой человек учить девочек играть на пианино. Он наклоняется над сидящей на скамейке Аннабел и длинными пальцами берет низкие, гулкие ноты. Он почти такой же белокурый, с изогнутыми, удивленными бровями и заметными следами расчески в волосах. Как-то раз она берет его руку и кладет себе на платье, над штучкой. Ужас на лице молодого человека смущает Аннабел.

Ее с позором переводят в другую школу, рангом пониже, но через месяц вызывают домой, поскольку умерла мать. Отец держится вежливо, правда, холодно и смущенно, кажется, он забыл о своем прежнем желании тепла. Няня исчезла, а когда Аннабел спрашивает о ней, отец отвечает: она уже слишком большая, чтобы иметь няню, не правда ли? Аннабел принимает такую горячую ванну, что выходит оттуда, как будто ее сварили.

(Лишь позже, подслушав разговор на похоронах, она узнает, что мать выпила целый флакон снотворного.)

Третья школа, та, с кленами, снежный буран. Учитель ис-

тории старше учителя музыки и не боится Аннабел. Он находит предлог вызвать ученицу к себе в кабинет.

— Как рыба в воде, — говорит учитель, избавив ее от невинности на провисшем диване. — Я видел это в тебе. Видел, что ты такая и есть.

— Что вы имеете в виду?

— В твоих глазах. Ты разве не хотела меня соблазнить?

— Наверно, — отвечает она, хотя точно не знает, чего хотела.

Она просто отвечала на его взгляды и позволила ему совершить то, что хотел он, почувствовав тупую, режущую боль; оба практически не раздевались. Потом, когда она шла по школьной лужайке, на нее навалилась грусть, которая, видимо, является послевкусием любого человеческого общения, но опыт не неприятный, и она охотно явилась к нему в кабинет, когда он вызвал ее в следующий раз. Прежде он отвернулся и что-то с собой сделал, необходимое, по его словам, чтобы не было ребенка. С опытом она научилась извлекать из его манипуляций мерцание и звон, иногда даже пульсацию и вспышку, но грусть все равно оставалась.

— Давай убежим, — предлагает он, а она смотрит на него с дивана, обескураженная тем, что он думает, будто им есть куда податься.

Из последней школы ее не исключают, а в шестнадцать выдают аттестат, и она возвращается в Нью-Йорк. Из всех сил старается вести внешне респектабельную жизнь в ка-

честве незамужней половины отца, его спутницы на ужинах, приемах, в путешествиях. Пытается быть хорошей, избавиться от дрянных потребностей. Но изгнать их можно, только отрубив себе голову и продолжая жить. У нее появляются любовники. Мера их скромности различна.

– Может, тебе стоит подумать о замужестве? – спрашивает отец.

Оба знают, что в Нью-Йорке никто не мечтает на ней жениться, несмотря на его состояние.

Занятия любовью приносят облегчение, да, но кроме того позор, слухи и презрение. Она хотела быть другой, не таскаться по мужчинам, не гнуться под тяжестью мрака, не испытывать жадных желаний. Но у нее не получилось. Не получилось ни в Нью-Йорке, ни в Лондоне («Может, английский муж?» – предложил отец), ни в Копенгагене («Может, датский?»), ни в Париже («Может?..»), ни в Риме (об итальянском муже речи не было). Не получилось и на «Джозефине». Она не думала, будто может зачать ребенка, уверенная, что ее дрянная матка совсем сгнила.

– Эддисон Грейвз, – сказала она отцу, убедившись в беременности.

– Кто?

– Капитан. Капитан корабля.

В тот вечер, когда она познакомилась с Эддисоном, отец после ужина отправился в курительную комнату, вверив Аннабел дамской гостиной, откуда та с легкостью улизнула. Она

стояла на корме «Джозефины», внимательно смотря на черную воду, на поднимающиеся от гребных винтов серебряные облака водяной пыли. Страх прошел ее, приковав руки к леерам. Она представила порыв ветра, удар холода, огромные кромсающие лопасти, удаляющиеся огни корабля.

Будет ли у нее время проследить, как корабль пропадет за горизонтом? Останется ли она одна в центре черной звездной сферы? Будут ли последним, что она увидит, бесчисленные, беззвучные искорки света? Не может быть большего одиночества. Или, думала она, большей правды. По ее опыту, близость к другим человеческим существам в общем-то не уменьшает одиночества. Она представила, как опускается все глубже, глубже, оседает на дно океана. Последняя холодная ванна, чтобы погасить огонь.

Ветер пронизывал платье. Она не могла предсказать, когда ослабнет сила воли, но той ночью дрянь ее спасла, отодрала от кильватера и потащила в каюту Эдисона. За ужином он увидел ее, какая она есть. И понял с такой силой, будто дал пощечину.

* * *

Возможно, Аннабел вспомнит, какие дети красивые, взяв их на руки, предложила дневная кормилица. Какая же она счастливая, у нее такие здоровые дети, ведь некоторые теряют своих при рождении, бедняжки.

– Господь создал женщину матерью.

– Если у вас есть хоть капля здравого смысла и если вы любите вашего Бога, держите их от меня подальше, – ответила Аннабел, и испуганная кормилица, подхватив детей, ушла, хлопнув за собой дверью спальни.

Вопреки совету доктора, она разместила объявление в газетах о найме кормилиц до рождения близнецов и взяла первых же откликнувшихся женщин. Обе утверждали, что замужем. Ни одна не предложила объяснения тому, почему ее грудь изобилует лишним молоком, а Аннабел не спрашивала.

– По моему мнению, подобная практика недалеко от проституции, – сказал доктор. – Часто их собственные дети живут в чудовищных условиях, чтобы они могли продавать молоко. Едва ли позволительно называть таких женщин достойными.

Однако достоинство этих женщин Аннабел не интересовало.

Когда она на рассвете вышла от Эддисона и вернулась в свою каюту, отец не спал и, еще в бабочке и фраке, сидел у себя возле пустого стакана и полной пепельницы в ожидании, оставив дверь между их комнатами открытой.

– Аннабел. – Он выглядел старым, усталым, отчаявшимся. – Что я должен делать иначе?

– Ты должен дать мне поспать, – ответила она, закрывая дверь.

Нью-Йорк

Октябрь 1914 г.

Месяц спустя

Ллойд Файфер в трауре внешне не отличался от Ллойда Файфера на вершине счастья. Пальто и шляпа безупречны. Воротничок выстиран и накрахмален идеально. Узел галстука безукоризнен. Он ходил быстрым шагом.

Но в течение месяца Ллойд Файфер, проигрывавший жизнь и привычки Ллойда Файфера, являлся не более чем приведенным в движение панцирем, пустой оболочкой. Внутри разлилась тень, струйка дыма, дух мрака, прогляды- вающий наружу, когда он просматривал декларации, обсуж- дал цены на уголь, ел на обед крабовый ньюбург и драл лю- бовницу. То, что было прежде, – жовиальный, хоть и безжа- лостный мужчина, полный презрительного ума и неистощи- мой энергии, – похоже, отлетело вместе с последним вздо- хом сына Леандра.

Дифтерия. Шесть лет.

Матильда еще не выходила из своей спальни (отделенной от спальни Ллойда их гардеробными и совместной гостиной) и почти ничего не ела. Выживших мальчиков – Генри, Клиф- форда и Роберта – убрала с глаз подальше няня, и Ллойд не знал, как они проводят время: угрюмо сопят или вопят и дерутся. Он никогда не интересовался детскими делами и не подозревал, что, если потеряет одного, из его недр подни-

мется такая боль, черная, первозданная, как нефть.

Генри, которому было двенадцать, как-то вечером пришел к нему в кабинет и вежливо попросил отправить его в школу. Ллойд выразил сомнения, сказав, что мать в нем нуждается.

– Но она даже не хочет меня видеть, – возразил Генри. – Не отвечает, когда я стучу.

– Женщины, желая продемонстрировать глубину и возвышенность своих чувств, – ответил Ллойд, – прибегают к театральным приемам. Потакание лишь продлит спектакль. Она появится, как только поймет, что не имеет смысла продолжать.

Мальчик ушел уязвленный и мрачный. На рассвете, устав лежать без сна, Ллойд сбросил одеяла и широкими шагами прошел через смежные комнаты в спальню Матильды, намереваясь выбрать жену за оцепенелость и велеть ей взять себя в руки. Но прежде, чем он успел заговорить, Тильди, лежа в постели, безмолвно подняла руки, и Ллойд, упав в них, зарыдал у нее на груди. Файфер впервые плакал о Леандре, не считая дня смерти, когда он, принимая ванну, скорчился, опустив лицо в воду, и рыдал туда. Он и Тильди не обнимал, с тех пор как... Он не помнил. Он плакал, а она гладила его по голове; он плакал, пока не уснул.

Утром он вышел из ее комнаты, не сказав ни слова. Но на следующую ночь опять пришел, и ее тепло растопило его. На третью ночь он задрал ей ночную рубашку и любил ее.

Прошла неделя, день и ночь поменялись местами. Днем правил дух мрака, а по ночам тело жены его изгоняло. Ллойд не знал, что думала Тильди о его визитах, но в это утро, когда он уходил из дома, она сидела с мальчиками за завтраком, очень бледная, молчаливая, но живая и с выпрямленной спиной.

* * *

Шофер довез Ллойда почти до конца Бродвея, практически до того места, где Манхэттен окунает большой палец в океан. После рождения Роберта, третьего сына, Ллойд и Матильда продали дом в Грамерси-парк и, присоединившись к миграционной волне изысканных душ на север, переехали в новый дом на 52-й улице, что удлинило его дорогу на работу. Файфер думал переместить контору L&O хоть немного выше – некоторые его дела уже управлялись с Челси Пирса, – но ему не улыбалась мысль лишиться матерого, повязанного друг с другом конгломерата контор пароходств и кассовых залов в южной части острова.

Однако Ллойд боялся стать таким же упертым, как его отец. Даже когда состояние Эрнста заметно выросло, он наотрез отказался переезжать с семьей из тесной квартиры на Перл-стрит. Вытерпев воспитание одного ребенка, он решил не дарить жене другого. Эрнст переходил от парусов к пару слишком долго, без единой капли воображения. Дома

говорил только по-немецки, покупал только немецкоязычные газеты и, казалось, не питал ни малейшего интереса к стране, где он обосновался, к стране, которая, выходя за пределы своих возможностей, производила деньги подобно гигантской машине.

Ровно в восемь шофер остановился перед солидным зданием из известняка и открыл Ллойд дверь. Тот проигнорировал преувеличенные приветствия портье и быстро прошел по вестибюлю с колоннами к лифтам. В ранний час девятый этаж пустовал. На стенах висели гигантские карты с помеченными маршрутами, утыканые кнопками, обозначающими местоположение кораблей, его уточняли ежедневно. Оставшиеся небольшие просветы занимали картины в рамках с изображением кораблей L&O, на самом видном месте — «Джозефина Этерна» и ее сестра поновее «Мария Фортуна», окрещенная при спуске на воду в честь стареющей сопрано, в которую на тот момент времени был влюблен Ллойд.

В кабинете Файфера его помощник, восхитительно ненавязчивый молодой человек, уже разложил на столе утренние газеты. Обычно Ллойд просил чашку чая и деловито пролистывал издания, но сегодня сидел неподвижно, уставившись на заголовки о войне. Немцы бесчинствуют в Бельгии. Вырытые траншеи становятся могилами для живых. Война проникает в самую землю Европы.

Внезапная алая вспышка бешенства, как будто его толк-

нули на угли. Он мечтал, чтобы Германия проиграла войну, чтобы отец воскрес из мертвых и увидел это. Мечтал, чтобы все узнали, как это – потерять сына. Чтобы черная пелена горя покрыла всю планету.

Тысячи уехали из Нью-Йорка, стремясь вернуться в страны своего рождения, чтобы принять участие в бойне. Иммиграция наоборот. Однако волна энтузиазма схлынула, и корабли L&O шли на восток заполненные менее чем наполовину. Ллойд думал, а вернулся бы в Германию Эрнст, взял бы винтовку в свои старые костлявые руки. Может быть. А может, нашел бы какой-нибудь неприметный способ помочь отечеству. Шпионами или контрабандой оружия и продовольствия. А может, оказался бы слишком упрямым и слишком медлительным даже для прибыли.

Ллойд крутанулся и посмотрел в окно. На западе между зданиями виднелся Гудзон. Он надеялся заметить «Джозефину», когда она несколько позже будет подходить к Челси Пирсу. Подумал, неплохо бы выпить по глоточку с Эддисоном Грейвзом.

Ллоиду мешало его немецкое происхождение. Второе имя, Вильгельм, теперь звучало как обвинение, германский отцовский саботаж. Но война может принести и новые возможности. Для него может найтись роль, партия, и он ее сыграет. Он не то, что отец.

Тут пришло и было изгнано воспоминание о том, как Генри тихо закрывает за собой дверь кабинета.

– Как жена? – спросил Ллойд Эддисона.

У него не хватило духу поинтересоваться новорожденными детьми, появившимися на свет всего за пару недель до смерти Леандра, несправедливый подарок судьбы.

Эддисон рассматривал свой виски.

– Если честно, одному богу известно. По-моему, не вылезает из постели. Кормилица говорила мне, не выказывает никакого интереса к детям, не моет их, не кормит. Она сказала, что иногда у молодых матерей бывают проблемы, но никто еще так не пугал ее, как Аннабел. «Жуткий мрак», так она выразилась.

– В нашем доме тоже мрак. Надо бы помечать двери, как во время чумы.

– Мне жаль. Ты получил мои соболезнования?

– Да, вероятно. Не знаю. – Виски Ллойд предпочитал джин. Он отпил глоток. – Боюсь, все это не имеет значения, соболезнования и тому подобное, но все равно спасибо. А почему Аннабел в таком состоянии? Что-то не так с детьми?

– Нет, совершенно здоровы.

– Она больна?

– Видеть врача не хочет. Ненавидит врачей. Но не думаю, что дело в болезни, по крайней мере в болезни тела. Она вроде как оплакивает их рождение, словно... В общем, я не по-

нимаю.

– Заставь ее обратиться к врачу.

– Да, наверное, стоит.

– Ты слишком долго был в море.

– Там я знаю, что делать.

Кости на лице Эддисона выступили даже больше обычно, незаполненная кожа свисала между скулами и челюстью, лоб затенял глаза. Дух мрака зашевелился в груди Ллойда, он завидовал Аннабел, которая нежилась в постели, выматывая мужа, забросив детей, наверняка не имея ни малейшего представления о страдании, выпавшем ему с Матильдой. Файферу вдруг нестерпимо захотелось очутиться дома и чтобы Матильда гладила его по голове. Он никогда не говорил другу, но до его свадьбы несколько раз встречал Аннабел на приемах, кроме того, до него доходили слухи о ней, столь неприглядные, что поверить в них казалось трудно.

– Ты слишком терпелив, – сказал он Эддисону. – Вели ей встать, быть полезной. Женщины любят быть полезными. Напомни, как она счастлива. Смени ей обстановку. Напомни, что она жива. – Он чувствовал, как краснеет. Голос стал хриплым. – А если понадобится, выкопай из кровати лопатой.

Эддисон поднял взгляд, в котором было что-то неясное. Упрек? Беспокойство?

– Возможно, ты прав, – тихо ответил он.

Северная Атлантика

Декабрь 1914 г.

Шесть недель спустя

«Джозефина Этерна» горела. Плавучий погребальный костер, горы огня. Она кренилась на правый борт – медленно, очень медленно, – будто прилаживаясь, как погрузиться в океан.

Гладкая черная вода. Густой синий предрассветный туман, разбавляющий яркое пламя. Под поверхностью бахромка рваной стали и выданных заклепок, вода – вода, которая заливала топки и кочегаров в котельных, заполняла носовые трюмы и поднималась по трубам, лилась из раковин, ванн и туалетов, бежала по проходам вниз и по лифтовым шахтам вверх, вода, которая – медленно, очень медленно – укладывала корабль набок, тянула нос вниз. Моторы омертвели, гребные винты застыли. Дым валил из лестничных шахт, и пассажиры в белом ночном белье – уже призраки – валили вместе с ним.

Эддисон собирался тонуть. Он будет стоически ждать на палубе, пока вода не поднимется до пуговиц мундира, не покроет золотые эполеты, не смоет его. Представляя себе подобное, он всегда знал, он сделает достойный выбор, но никогда не думал, что на борту может оказаться его жена, и уж точно не два младенца. Именно он настоял, чтобы Аннабел поехала в путешествие. Ему пришлось чуть не выкапывать ее из постели лопатой, как и рекомендовал Ллойд, но что-то

нужно было предпринять.

— Ты не можешь оставаться несчастной вечно, — сказал он ей.

— Почему бы и нет? — ответила Аннабел.

Свежий морской воздух пойдет на пользу, уверял он, не чувствуя никакой уверенности. Отдавал приказы: корабль, воздух. Она уступила. Никаких кормилиц, решил он. За детьми придется ухаживать самой. Она уступила. Аннабел поднялась на борт, как багажное место, молчаливая, пассивная, неповоротливая.

В известной степени эксперимент казался удачным. До того Аннабел не ухаживала за детьми ни дня, но, поставленная перед необходимостью, каким-то образом поняла, как их пеленать, менять подгузники, засовывать в ротики бутылочки с теплой смесью из коровьего молока, сахара и масла печени трески, приготовленной по рецепту ночной кормилицы и поставляемой в любое время из камбуза. Эддисон, возможно, злорадствовал бы, если бы не что-то неправильное в том, как Аннабел исполняла материнские обязанности: с пустыми глазами, механически, как рабочий у конвейера. Однажды вечером он застал ее на корме; она стояла и смотрела в темную воду.

Когда произошел взрыв, они шли уже пять дней и оставался еще один полный, удлинённый туманом день до Ливерпуля, поскольку они входили в часть океана, ошестинившуюся перископами и напичканную минами.

На борту находилось всего пятьсот двадцать три пассажира, разместиться могло еще два раза по столько же. Экипаж насчитывал больше людей.

Когда грохнуло, Эддисон не спал. Еще до рассвета, сходя с ума от рева одного из близнецов, он, пока Аннабел кормила второго, схватил бутылочку, ребенка и вернулся в кровать.

Как только резиновый сосок оказался во рту, ребенок успокоился, вперившись бледными глазами в лицо отца. Эддисон ослабил пеленки, и появились две розовых ручки в пятнах.

– Это который? – спросил он.

Аннабел сидела так, что лицо ее было в тени.

– Не знаю. Не важно.

У него на коленях пульсировал ребенок, растопыривая и опять сжимая маленькие пальцы. Прежде чем услышать взрыв, Эддисон почувствовал, как в ушах изменилось давление. Звук был везде, пронизывал воздух. Корабль содрогнулся и, кажется, даже перекосился. Скрежет, мгновение мертвой тишины, затем полилась вода. Вибрирующий скрежет, опять тишина.

– Что это? – спросила Аннабел. Резко, но без испуга.

Эддисон торопливо оделся.

Часть лееров правого борта покорежилась и погнулась. Поднявшись наверх осмотреться, Эддисон отпрянул от дыма и пара. Пронзительно, доводя до исступления, верещал сигнал пожарной тревоги. На мостике он велел телеграфи-

ровать в машинное отделение: «Остановить», хотя моторы и так испустили дух. Отправил третьего помощника вниз проверить. Уже заметно накренился правый борт. Грейвз стоял неподвижно, глядя на свои ботинки, просчитывая. Туман давил на окна капитанского мостика, как повязка на глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.